

ДЪЛО

С О Б С Т В Е Н Н И К А

съ

ЕВРЕЕМЪ-АРЕНДАТОРОМЪ

его

и м ѣ н и й,

какъ

иллюстрація въ вопросъ о
равноправности евреевъ.

Давно уже сдѣлалось почти элементарною истиною въ понятіяхъ образованнаго слоя, что въ законахъ отражается характеръ народа, что законодательство должно быть органическимъ продуктомъ собственной жизни націи, а никакъ не механическимъ позаимствованіемъ изъ жизни другого народа и еще менѣе апріорнымъ построеніемъ изъ отвлеченныхъ общечеловѣческихъ началъ.

Тѣмъ не менѣе, на практикѣ не рѣдко упускаются изъ виду эти элементарныя истины, и законодательство усиливается регулировать, съ тщетною надеждою на успѣхъ, одними и тѣми же постановленіями, жизнь совершенно разноплеменныхъ элементовъ, случайно попавшихъ въ составъ государственнаго организма той или другой націи. При этомъ иллюзія, относительно равной дѣйствительности однихъ и тѣхъ же законовъ для разныхъ племенъ, поддерживается крайне преувеличеннымъ мнѣніемъ о значеніи карательной санкціи, между тѣмъ какъ, на самомъ дѣлѣ, дѣйствительная санкція законовъ заключается вовсе не въ карательной угрозѣ за ихъ нарушение, а почти исключительно — въ нравахъ и обычаяхъ народа, въ сдерживающей силѣ ихъ. Нравы и обычаи одного племени удерживаютъ его съ достаточною силою предъ препоною того же закона, чрезъ который, безъ всякой задержки, переступаетъ племя съ другими нравами, съ другими обычаями. Законъ, общій для обоихъ племенъ, служа преградой только для одного изъ нихъ, даетъ тѣмъ самымъ перевѣсъ другому племени въ неограниченной его нравами и обычаями свободѣ выбора средствъ въ борьбѣ за существованіе. Равноправность, являющаяся не какъ необходимое послѣдствіе одинаковой правоспособности, въ смыслѣ одинаковой податливости силѣ закона, а только какъ неоправдываемое вовсе жизненными условіями удовлетвореніе требованіямъ теоретическаго гуманизма, становится неизбежно источникомъ подрыва и разложенія въ строѣ жизни государственнаго племени и основой эксплуатаціи этого строя въ пользу чужеземцевъ — случайныхъ участниковъ или паразитовъ государственной жизни. Господствующее племя принуждено или терпѣливо сносить всѣ невыгоды и весь позоръ такой эксплуатаціи, или же само вынуждается на усвоеніе тѣхъ качествъ, которыми обусловливается подобная эксплуатація, т. е. на усвоеніе нравовъ и обычаевъ подчиненнаго племени. Это послѣднее явленіе ярко обрисовывается въ наше время въ жизни нѣкоторыхъ нѣмецкихъ государствъ, гдѣ торжество юдаизма вызываетъ наконецъ вопли ужаса и попытки организовать противодѣйствіе дальнѣйшему усиленію его во вредъ гер-

манской расы. Въ упущеніи изъ виду указанной практической стороны вопроса объ условіяхъ гражданской равноправности въ государствахъ съ разнопленнымъ населеніемъ — заключается большая сторона законодательствъ, построенныхъ на возвышенныхъ идеалахъ абстрактнаго либерализма, глубокая язва государственной жизни Сѣверо-Американскихъ Штатовъ въ критическомъ для нихъ вопросѣ бѣлой, черной и желтой расы, и печальныя явленія еврейской эксплоатации въ Австріи, Германіи и Россіи. Весьма яркое практическое подтвержденіе изложеннаго, представляетъ слѣдующее свѣжее дѣло, если не такое крупное по цифрамъ, какъ дѣла Струсберговъ, Поляковыхъ, Грегеровъ и пр. и пр., но за то, можетъ быть, еще нагляднѣе освѣщающее пути еврейскихъ происковъ, ихъ разлагающее вліяніе на общество и условія ихъ успѣха.

Сынъ бывшаго N...скаго Губернатора NN купилъ, въ концѣ шестидесятихъ годовъ, три имѣнія въ двухъ сосѣднихъ губерніяхъ Сѣверо-Западнаго Края, употребивъ на это, сверхъ немалыхъ собственныхъ и жениныхъ средствъ, занятія въ Обществѣ Взаимнаго Поземельнаго Кредита 85000 р. и оставшись кромѣ того въ долгу частнымъ лицамъ болѣе 30000 р. Незнакомый съ евреями, онъ отдалъ купленные имѣнія въ аренду еврею Г.Г., а самъ продолжалъ заниматься службою въ должности Управляющаго Государственными Имуществами. Въ концѣ 1876 года NN сходитъ съ ума, оставляя жену и грудного ребенка. Съ присканнымъ въ попыхахъ повѣреннымъ арендаторъ успѣваетъ свести счеты такимъ образомъ, что арендная плата за имѣнія, безъ взноса денегъ, оказывается уплаченою съ избыткомъ 2000 р. Наступаетъ срокъ платежа въ Общество Взаимнаго Поземельнаго Кредита, имѣнія назначаются въ продажу, — и, для спасенія ихъ, опекунша (жена NN) принуждена внести собственные деньги, не получая ничего отъ арендатора. Несмотря на это, послѣдній успѣваетъ настроить дѣла такимъ образомъ, что опекуншѣ, производящей расходы по управленію имѣніями изъ собственныхъ средствъ и не показывающей въ отчетѣ ни копѣйки на содержаніе мужа, свое и дочери, ставятся на видъ расходы (изъ собственности) на поѣздки, по дѣламъ опеки, ея и ея повѣренныхъ; Дворянская Опека, при передачѣ имѣній опекуншѣ, не даетъ ей даже времени для провѣрки описи и вовсе не выдаетъ ей указаннаго закономъ экземпляра; подъ каждымъ предлогомъ, посылаетъ производить удостовѣренія въ распоряженіяхъ повѣренныхъ и заставляетъ платить за то прогоны засѣдателямъ, и тѣмъ поддерживаетъ распускаемые арендаторомъ слухи о дурномъ управленіи опекунши и несостоятельности имѣній къ уплатѣ частныхъ долговъ. Опекунша публикуетъ въ вѣдомостяхъ опроверженіе этихъ ложныхъ слуховъ, указываетъ Дворянской Опекѣ на мошенническіе происки арендатора и его сообщниковъ, но, вмѣсто содѣйствія къ преслѣдованію ихъ, получаетъ формальное отрицаніе со стороны Опеки самаго существованія указываемыхъ ей фактовъ. Пользуясь этимъ, арендаторъ успѣваетъ, посредствомъ Полиціи, наложить на имѣнія NN запрещенія

на 92000 р., подь предлогомъ неисполненія будто бы NN арендныхъ контрактовъ. Эта почти невѣроятная по наглости продѣлка совершается на глазахъ у мѣстной Дворянской Опеки, въ строгомъ секретѣ отъ опекунши, которая узнаетъ объ этомъ только случайно, черезъ 2 года, на торгахъ на имѣнія. Этотъ приемъ ведетъ къ тому, что частный кредитъ NN окончательно подрывается; опекунша лишается всякой возможности сдѣлать заемъ для уплаты срочныхъ банковыхъ взносовъ и по частнымъ вексямъ, а арендаторъ, пользуясь этимъ, скунаетъ векся за полцѣны и настаиваетъ на взысканіи по нимъ чрезъ продажу имѣній съ аукціона, рассчитывая купить ихъ за безцѣногъ на имя подставного лица. Съ этою цѣлю ведутся переговоры съ однимъ чиновникомъ, занимающимъ вліятельный постъ въ уѣздѣ (онъ перемѣщенъ впоследствии въ другую губернію за обнаружившіяся подобныя продѣлки); условіемъ торга ставится содѣйствіе къ удаленію отъ службы повѣреннаго опекунши, занимающаго казенную должность и, по служебному положенію, имѣющаго возможность время отъ времени бывать въ имѣніяхъ и обнаруживать злоупотребленія арендатора. Торгъ слаженъ, на повѣреннаго чиновника посылается безымянный доносъ; доносъ подтверждается лицомъ, на имя жены котораго должны быть куплены имѣнія, — и повѣренный принужденъ оставить службу въ наказаніе за препятствіе злоупотребленіямъ арендатора, рассчитывающаго, что, послѣ такого примѣра, опекунша не легко найдетъ кого либо, кто бы рѣшился бороться противъ его происковъ. Дерзость его доходитъ до того, что онъ осмѣливается предложить Уѣздному Предводителю Дворянства взятку въ 2000 р. Съ Предводителемъ ему не удается этотъ приемъ, за то чины Полиціи являются ревностнѣйшими помощниками арендатора и исполнителями всѣхъ его пожеланій. — Для взысканія арендной платы и убытковъ за нарушеніе контрактовъ и разореніе имѣній, опекунша заводитъ исковыя дѣла противъ арендатора. Независимо отъ обычнаго медленнаго хода подобныхъ дѣлъ, теченіе ихъ замедляется еще болѣе тѣмъ, что Полицейскіе чиновники по нѣсколькимъ недѣлямъ не вручаютъ состязательныхъ бумагъ и повѣстокъ арендатору, исполняя въ то же время съ первою почтою всякое его требованіе къ опекуншѣ по скупленнымъ имъ вексямъ. Мало того, чтобы имѣть формальное оправданіе въ неуплатѣ аренды, арендаторъ испрашиваетъ себѣ предписаніе Полиціи: не платить вовсе опекуншѣ арендныхъ денегъ. Предписаніе это дается ему подь тѣмъ предлогомъ, что на имѣніяхъ числится недоимка, около 25 р., между тѣмъ какъ платежъ арендатора составляетъ въ годъ болѣе 10000 р.; — истинная же цѣль этого предписанія очевидна изъ того, что арендаторъ, получивъ его, не вноситъ все время платы ни опекуншѣ, ни въ Казначейство, а Полиція, въ тоже самое время, какъ бы въ насмѣшку, не перестаетъ посылать опекуншѣ чуть не каждую почту требованія о взносѣ недоимокъ, между тѣмъ какъ мѣстная Опека собирается обвинить опекуншу въ дурномъ управленіи имѣніями и подь этимъ предлогомъ навязать ей соопекуна по своему выбору. Съ своей стороны арен-

даторъ распускаетъ слухъ, что имѣнія собственно принадлежатъ ему, что они куплены только на имя NN, какъ это часто продѣлывается въ Западномъ краѣ, и что теперь опекунша стремится заграбить кровную его собственность. Подкупленные сообщники арендатора поддерживаютъ эту наглую ложь и парализуютъ тѣмъ должное вниманіе къ этому дѣлу со стороны мѣстныхъ властей. Только послѣ долгихъ усилій опекунша успѣваетъ наконецъ уяснить истинный характеръ дѣла мѣстному Губернатору. Губернаторъ убѣждается наконецъ въ фальшивомъ направленіи праваго дѣла и оказываетъ опекуншѣ дѣятельное пособіе въ борьбѣ противъ цѣлой шайки жидовъ и помогающихъ имъ чиновниковъ. За злоупотребленія по этому дѣлу удаляются отъ службы Помощникъ Исправника и Становой; мѣстная Полиція видитъ себя въ необходимости воздержаться пока отъ содѣйствія проискаму арендатора. По настоянію Губернатора, на имущество его накладывается арестъ на 15|т. рублей за неуплату аренды, и тѣмъ предотвращается подготовленная было уже продажа одного имѣнія по векселю купленному арендаторомъ. Но этотъ утѣшительный оборотъ длится не долго. Губернаторъ, познакомившійся съ истиннымъ характеромъ дѣла, выбываетъ въ другую губернію; мѣсто его остается нѣкоторое время незанятымъ, и Полиція, съ Исправникомъ во главѣ, открываетъ опять кампанію въ угоду арендатору. Арестованное у арендатора имущество, хлѣбъ, скотъ, продается арендаторомъ на глазахъ у Полиціи; Исправникъ снова даетъ предписаніе Становому, а Становой арендатору о томъ, чтобы послѣдній и «напередъ», т. е. и за пополненіемъ казенныхъ требованій, «арендныхъ денегъ не отдавалъ владѣльцу»; опекунша принуждена въ 4-й разъ внести въ Общество Взаимнаго Поземельнаго Кредита изъ собственныхъ средствъ (около 8000 р.) недоимки по банковому долгу и по казеннымъ сборамъ, но и за всѣмъ тѣмъ, незаконное предписаніе Исправника не отмѣняется и служитъ для арендатора уполномочіемъ не платить арендныхъ денегъ и на срокъ 1-го Іюля 1879 г. Слѣдствіе о растратѣ арестованнаго имущества производится подъ вліяніемъ непосредственно виновныхъ въ томъ Станового и Урядника и направляется явно къ сокрытію слѣдовъ его, несмотря на протесты повѣреннаго опекунши. Вновь назначенному Губернатору дѣло опять докладывается съ чисто формальной стороны; преступныя дѣйствія Полиціи объясняются ему какъ невинныя ошибки, и во второй разъ, только послѣ особенныхъ усилій и благодаря личной благонамѣренности Губернатора, удается выставить дѣло въ истинномъ видѣ. Упорное повтореніе злоупотребленій Полиціи расчитано было явно на утомленіе вниманія начальства и поселеніе въ немъ равнодушія къ этому дѣлу. — Послѣ ознакомленія съ дѣломъ новаго Губернатора, арендатору становится необходимымъ, для достиженія задуманной цѣли, парализовать судебное преслѣдованіе его за нарушеніе контрактовъ и разореніе имѣній. Достигнуть этого онъ можетъ не иначе, какъ уничтоживъ всѣхъ свидѣтелей нарушенія имъ контрактовъ. Физически исполнить это: истребить всѣхъ мѣст-

ныхъ крестьянъ — онъ не имѣеть возможности, но онъ стремится достигнуть своей цѣли другимъ путемъ, болѣе обеспеченнымъ въ безопасности. Независимо отъ всевозможныхъ притѣсненій въ экономическихъ отношеніяхъ и чрезъ подкупленнаго писаря Волостного Правленія (недавно удаленъ отъ должности за злоупотребленія), онъ предъявляетъ у мѣстнаго Мироваго Судьи до 30 исковъ къ цѣлымъ деревнямъ бывшихъ крестьянъ NN. Цѣлыми обществами крестьяне, не соглашающіеся покрывать злоупотребленія арендатора, призываются къ суду, разоряются чрезъ помѣху въ работахъ и расходы на поѣздки къ Судьѣ, и частію присуждаются имъ къ значительнымъ взысканіямъ въ пользу арендатора, на основаніи показаній его кучера и прикащика; но главное при этомъ: арендаторъ получаетъ возможность отводить ихъ отъ свидѣтельства противъ него, какъ лицъ находящихся съ нимъ въ искѣ. Крестьяне не знаютъ что дѣлать, гдѣ найти защиту отъ разбойническихъ продѣловъ арендатора, разоряющаго ихъ постоянными придирами и процессами, обращающагося съ крестьянами съ такимъ презрѣніемъ и наглостію, которыя не часто встрѣчались и при крѣпостномъ правѣ. Онъ бьетъ крестьянъ, если они осмѣливаются не снять предъ нимъ шапки, забиваетъ нѣкоторыхъ до искалеченія, — и все это покрывается безслѣдно. Мѣстнаго священника, который могъ бы служить защитникомъ крестьянъ, онъ успѣваетъ привлечь на свою сторону приманкою вина и спаиваетъ въ безнадежнаго пьяницу. Повѣренныхъ опекунши, рѣшающихся отстаивать крестьянъ отъ притѣсненій арендатора, онъ нагло обвиняетъ въ подстрекательствѣ крестьянъ къ бунту и пишетъ на нихъ безъимянные доносы, обвиняя чуть ли не въ политической неблагонадежности. При содѣйствіи указанныхъ выше заинтересованныхъ пособниковъ, онъ достигаетъ даже назначенія какого то секретнаго дознанія. Для оскорбленія самихъ опекуновъ, повѣреннымъ своимъ въ уѣздномъ городѣ онъ дѣлаетъ Т.Т., высланнаго за ябедничество изъ одной губерніи, и уже нѣсколько разъ сидѣвшаго въ тюрьмѣ за клевету и ябедничество. Это нисколько не мѣшаетъ однако Предсѣдателю мѣстнаго Мироваго Съѣзда (уже уволенъ отъ службы) поручить Т.Т. исправленіе обязанностей Секретаря Съѣзда. Независимо отъ услугъ арендатору по канцеляріи Мироваго Судьи въ умышленно заведенныхъ дѣлахъ съ крестьянами, Т. Т. пишетъ для него безобразнѣйшія кляузы въ Дворянскую Опекунскую, стараясь оклеветать опекуншу и ея повѣренныхъ и тѣмъ принудить ихъ, изъ отвращенія, бросить тягостное дѣло на произволъ судьбы. Самъ арендаторъ, при содѣйствіи другого еврея С. С., успѣваетъ купить лѣсъ у одного чиновника въ Петербургѣ и, возвратившись домой, злоупотребляетъ именемъ этого чиновника, будто-бы обѣщавшаго содѣйствіе его проискать. Для того-же, чтобы лишить опекуншу всякой возможности взыскать съ него что либо за аренду или по искамъ, онъ, въ сообществѣ нѣсколькихъ другихъ евреевъ, составляетъ слѣдующую сдѣлку. Арендаторъ переводитъ аренду имѣній и все свое движимое имущество (въ томъ числѣ и скупленные имъ

векселя NN) на имя мѣщанина С. С.; вмѣстѣ съ этимъ, онъ и С. С. даютъ довѣренности на веденіе дѣлъ, полученіе денегъ, расплату и пр. еврею Х. Х., которому также переуступается взысканіе по одному векселю. Такимъ образомъ устраивается возможность перевода всего имущества арендатора Г. Г., по произволу, въ руки его пособниковъ, Х. Х. или С. С., изъ которыхъ первый (еврей окончившій университетъ) состоитъ частнымъ повѣреннымъ въ губернскомъ городѣ**, ведетъ тамъ дѣла Г. Г. въ Соединенной Палатѣ, и покупаетъ имѣнія на имя одного выкреста изъ евреевъ, а другой — ничего почти неимѣющій факторъ при квартирѣ мѣстнаго Становаго Пристава. Арендаторъ Г. Г. сохраняетъ полную возможность чрезъ того и другого взыскать все, что ему могло бы слѣдовать съ собственника; онъ можетъ во всякое время получить чрезъ Х. Х. взысканное посредствомъ С. С., но собственникъ лишенъ всякой возможности взыскать съ него что либо, такъ какъ С. С., который можетъ быть подставленъ въ этомъ случаѣ отвѣтчикомъ за арендатора, самъ ничего не имѣетъ, и взыскать съ него что либо нѣтъ никакой возможности. Вообще, безнадежность какого либо взысканія съ арендатора обуславливается главнымъ образомъ тѣмъ, что Соединенная Палата, признавъ вполне доказанными факты разоряющаго имѣнія хозяйничанья его и нарушенія имъ контрактовъ, нашла возможнымъ отказать истцу въ требованіи объ обезпеченіи иска на имуществѣ арендатора, а самыя рѣшенія постановила съ слѣдующими послабленіями въ его пользу. Палата оставила вовсе безъ вниманія необязательность самыхъ контрактовъ вслѣдствіе ихъ противузаконности и вслѣдствіе такихъ злоумышленныхъ нарушеній ихъ одною стороною, которыя уничтожаютъ самую возможность достиженія цѣли ихъ заключенія, и отняла у истца даже самую возможность доказать нарушение двухъ контрактовъ, отказавъ въ назначеніи гражданскаго слѣдствія. Палата нашла возможнымъ объявить голословными такія требованія истца по буквѣ договора, по которымъ отвѣтчикъ не только отказался представить какія либо доказательства въ опроверженіе, но даже самъ изъявилъ согласіе удовлетворить ихъ; и, наконецъ, имѣя въ рукахъ факты злоумышленнаго сокрытія арендаторомъ своего имущества для уклоненія отъ взысканія съ него арендной платы, Палата признала возможнымъ оставлять безъ объявленія и исполненія въ теченіи болѣе десяти мѣсяцевъ собственныя постановленія въ дѣлахъ о взысканіи арендныхъ денегъ, чѣмъ предоставлялась арендатору полная свобода не платить аренды до окончанія искового дѣла за 1877 годъ, сколько бы оно ни длилось, пользоваться все это время имѣніями бесплатно и принимать на просторѣ мѣры къ окончательному сокрытію своего имущества для ухода отъ взысканія, когда оно будетъ наконецъ рѣшено. Этими льготами арендаторъ и воспользовался уже съ обычною наглостію, явившись на торги для покупки имѣній NN, при помощи своего пособника С. С., на тѣ самыя деньги, которыя онъ долженъ бы внести въ арендную плату. Чтобы спасти имѣнія изъ его когтей, опекуны опять при-

нуждены были уплатить въ Общество около 5000 р., занявъ ихъ подъ свою личную отвѣтственность.

Вотъ въ главныхъ чертахъ почти невѣроятная картина того, что, при существующихъ условіяхъ, въ состояніи сдѣлать одинъ ничтожный еврей — арендаторъ, почти нищій 7—8 лѣтъ тому назадъ, а теперь поставившій себѣ задачею воспользоваться несчастіемъ собственника и завладѣть его имуществомъ, посредствомъ подкуповъ, подлоговъ и стачки съ нѣсколькими изъ своихъ соплеменниковъ. Для достиженія своей злодѣйской цѣли, онъ находитъ возможность разорять безнаказанно цѣлую округу крестьянъ. Правильное дѣйствіе высшихъ въ губерніи судебныхъ и административныхъ учреждений оказывается безсильнымъ парализовать эти преступныя дѣйствія. Неужели они должны увѣнчаться успѣхомъ единственно въ силу принципа невмѣшательства въ нормальное теченіе гражданскихъ дѣлъ? — Казалось-бы, достаточно поставить подобный вопросъ, чтобы выказать всю нелѣпость предположенія самой возможности утвердительнаго на него отвѣта. Если въ чемъ либо можетъ имѣть достаточное оправданіе экстраординарное вмѣшательство высшихъ правительственныхъ лицъ для предупрежденія и пресѣченія зла, торжествующаго надъ обычнымъ порядкомъ гражданскаго строя, то именно въ подобныхъ случаяхъ, когда преступная цѣль одного наглаго инородца, безъ удержу преступающаго чрезъ всѣ препоны нравовъ и обычаевъ нашего племени, грозитъ разореніемъ не только одному собственнику, но десяткамъ, сотнямъ, ни въ чемъ неповинныхъ гражданъ. Если можно допустить еще мысль о предоставленіи обычному ходу судебное состязательство между двумя разноплеменными тяжущимися, то можно ли хоть одну минуту задуматься на совершенной чудовищности равнодушнаго отношенія къ разоренію мошенническою шайкою инородцевъ, посредствомъ цѣлой системы обмановъ, подкуповъ и подлоговъ, цѣлаго населенія на пространствѣ 100 квадр. верстъ? — Задерживая ежегодно болѣе 10000 р. арендной платы, арендаторъ имѣетъ полную возможность одними процентами отъ оборота этимъ капиталомъ покрывать всѣ расходы на наемъ адвокатовъ и на подкупъ волостной и земской Полиціи. Много ли писарей, старшинъ, Становыхъ, Исправниковъ, устоятъ противъ ежегоднаго жалованья отъ арендатора въ 300—500—1000 р., а если нужно и болѣе? Въ этихъ условіяхъ, какую надежду можно имѣть на результатъ самаго правильнѣйшаго судебного процесса? Прежде чѣмъ онъ придетъ къ концу, имѣнія будутъ разорены окончательно, опекуны истощатъ всѣ средства для взноса срочныхъ платежей (они уже уплатили изъ собственности около 20000 р.), а когда разоренныя имѣнія будутъ проданы съ аукціона и куплены подставнымъ лицомъ той-же еврейской шайки, взысканіе съ арендатора десятковъ тысячъ рублей недоплаченной аренды и убытковъ окажется невозможнымъ, такъ какъ все имущество его будетъ давно скрыто посредствомъ фиктивныхъ сдѣлокъ, образцы которыхъ и теперь уже въ рукахъ Соединенной Палаты. Казалось-бы, что самая строгая

справедливость не была бы нисколько нарушена, если бы, для противодѣйствія мошенническому плану арендатора и его пособниковъ, вмѣстѣ съ уничтоженіемъ противузаконныхъ контрактовъ, взысканіе по скупленнымъ имъ векселямъ NN было пріостановлено впредь до окончанія исковыхъ дѣлъ за разореніе имѣній и неплатежъ аренды. Таже цѣль могла бы быть достигнута и установленіемъ особаго опекунства съ правами, предоставленными нѣкоторымъ опекамъ, учрежденнымъ по Высочайшимъ повелѣніямъ. Такая мѣра представляется здѣсь болѣе оправдываемой нежели гдѣ либо, такъ какъ въ этомъ дѣлѣ антагонизмъ существуетъ только между двумя сторонами: собственника и арендатора, и необходимое равновѣсіе между ними можетъ быть установлено безъ малѣйшаго нарушенія правъ и выгодъ какого либо третьяго лица.

Нельзя сомнѣваться въ значительномъ преимуществѣ нашихъ обновленныхъ судебныхъ учреждений предъ прежними, въ большей интеллигентности и нравственной опрятности судебного персонала, но — нужно сказать правду — нерѣдко можно встрѣтить и теперь систему мертваго формализма, разумѣющаго извѣстную фразу: *fiat justitia etc.* въ смыслѣ принесенія всего въ жертву не справедливости, а формамъ суда, а иногда и примѣры невѣроятно легкаго отношенія къ дѣлу. А между тѣмъ, одного этого, не говоря о такомъ направленіи рѣшеній, какъ объяснено выше, достаточно для торжества тѣхъ, которые, относясь съ полною объективностью ко всему строю нашей національной жизни, употребляютъ всю свою энергію, всѣ силы своего племенного союза на отысканіе въ этомъ строѣ всѣхъ слабыхъ пунктовъ, всѣхъ щелей и лазеекъ, чрезъ которыя могутъ какъ нибудь протиснуться интересы гибкой семитической расы. Относительно этого пункта, т. е. своекорыстной утилизациі инородцами слабыхъ сторонъ нашего общественнаго строя, у насъ повторяется большое общеевропейское заблужденіе и преимущественно — въ средѣ свободно и честно мыслящихъ людей. Многие изъ насъ, увлекаясь примѣрами отдѣльныхъ личностей изъ евреевъ, исключительно честныхъ по своей натурѣ или же усвоившихъ себѣ въ значительной степени нравы и понятія нашего цивилизованнаго общества, мотивируютъ свои доводы, въ пользу равноправности евреевъ, ссылкой на то, что и въ нашей средѣ не мало людей безнравственныхъ, способныхъ на обманъ, плутовство и всевозможные обходы закона. Но при этомъ упускается совершенно изъ виду, что безнравственность и злонамѣренность отдѣльныхъ личностей изъ среды нашего племени никогда или только въ весьма рѣдкихъ случаяхъ можетъ достигать той степени полнаго отчужденія отъ общихъ національныхъ понятій, нравовъ и обычаевъ, того чисто объективнаго отношенія къ нимъ, которыя непосредственно присущи всей массѣ населенія иной расы, иной религіи, иныхъ нравовъ и обычаевъ, и притомъ сохранныхъ съ тѣмъ упорствомъ и презрѣніемъ ко всему остальному человѣчеству, которыя въ теченіи тысячелѣтій характеризуютъ еврейское племя. Упускать это изъ виду — значитъ ставить

наивно или легкомысленно на карту не только законные интересы множества русскихъ гражданъ, но и всю будущность нашего племени, — значить готовить ему то зло и тотъ позоръ еврейской эксплуатаціи и торжества юдаизма, предъ которыми теперь съ ужасомъ и отвращеніемъ содрогается народное сознание у нашихъ сосѣдей. Только теперь, просыпаясь въ ужасѣ, среди воплей: *finis Germaniae!*, отъ упоительныхъ сновидѣній отвлеченнаго гуманизма, Германія начинаетъ понимать, какъ слѣдуетъ, грозный смыслъ предвидѣній одного изъ искреннѣйшихъ ея патріотовъ и величайшихъ мыслителей. «Неужели вы не понимаете», говорилъ Фихте, уже три четверти вѣка назадъ, «что евреи, будучи и безъ того членами особаго общественнаго организма, болѣе прочнаго и сильнаго, чѣмъ всѣ ваши общества, получивъ полную равноправность и въ вашихъ государствахъ, затопчутъ себѣ подъ ноги всѣхъ прочихъ вашихъ гражданъ?».... «Дать имъ равноправность я согласился бы не прежде, какъ послѣ замѣны ихъ еврейскихъ головъ другими, въ которыхъ не было бы и слѣда еврейскихъ идей.» Теперь горькая истина этихъ пророческихъ словъ Фихте признана въ Германіи даже такими учеными, какъ Трейтчке, Дюррингъ, между тѣмъ какъ наглость жидовской партіи доходитъ до провозглашенія талмудизма религіей будущаго, наслѣдникомъ христіанства, которое, по словамъ Дизраели, и было въ сущности всегда не что иное, какъ тотъ же юдаизмъ, но лишь облеченный въ формы, соотвѣтствующія понятіямъ невѣжественныхъ массъ!.... Кажется, далѣе нельзя уже идти. — Ужели грозныя указанія въ судьбѣ нашихъ сосѣдей пройдутъ незамѣченными для нашего отечества, въ которомъ гнѣздится не менѣе 75% всего европейскаго жидовства, и, во всякомъ случаѣ, по крайней мѣрѣ въ три раза большій процентъ еврейскаго населенія, нежели въ остальной Европѣ? — Евреи изпоконъ вѣку цѣпко держатся поговорки: не силою, а частымъ наданіемъ. Сегодня, подъ шумокъ трафаретнаго либеральничанья однихъ и благодаря апатіи другихъ, они оттягиваютъ 100 кв. верстъ у NN, завтра — столько же у М. М. и т. д., — глядь, къ концу года, въ рукахъ некрещенныхъ и крещенныхъ лишь для виду семитовъ — чуть не сотая часть всѣхъ сельско-хозяйственныхъ земель Европейской Россіи, а въ какіе нибудь 25 лѣтъ и цѣлая четверть. Вѣдь и теперь уже евреи называютъ своими нѣсколько губерній западнаго края, и это зло, никѣмъ еще неощущенное во всемъ своемъ значеніи, унижительное для насъ и грозное для будущаго, совершилось на нашихъ глазахъ, за нашу память.

Доволено цензурою. Ревель, 4 Января 1880.

Печатано въ типографіи Эстляндскаго Губернскаго Правленія.

EESTI
RAHVUSRAAMATUKOGU
AR

AR3-05-00020